

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 165

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-1-23-30

Дата поступления: 10.01.2025
рецензирования: 12.02.2025
принятия: 13.03.2025

А.Н. Огнев

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: ognev.an@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3400-8820>

Онтогносеологический горизонт функций языкового знака

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о функциях языкового знака, образующих умопостижимую целостность с точки зрения их системных взаимосвязей, возникающих в сущностном средоточии взаимно-однозначного соответствия между бытием и мышлением. Онтогносеологический горизонт определяет действенность и исполнимость функций языкового знака в контексте противопоставления идеального и реального. Формулируется различие между двумя способами проблематизации – апоретическим в онтологии и антиномическим в гносеологии. В статье предложено рассмотрение функционального ансамбля языкового знака. Выделено семь основных функций и дифференцированы их системообразующие оппозиции. Показано различие функциональных доминант в ходе решения проблемы универсалий как основного вопроса средневековой философии. Предложена новая интерпретация модели «семиотического треугольника» в свете принципов критической онтологии Н. Гартмана по критериям «ступенчатости» и «слоистости». Выделены конститутивные и регулятивные факторы дифференциации языковых функций номотетического минимализма.

Ключевые слова: онтогносеологический горизонт; функция; знак; означаемое; бытие; мышление; номинализм; реализм; концептуализм.

Цитирование: Огнев А.Н. Онтогносеологический горизонт функций языкового знака // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 1. С. 23–30. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-23-30>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Огнев А.Н., 2025

Александр Николаевич Огнев – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

A.N. Ognev

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: ognev.an@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3400-8820>

Ontognoseological horizon of the functions of the linguistic sign

Abstract: the article considers the function of a linguistic sign that forms an intelligible integrity from the point of view of their systemic interrelations arising in the essential center of the one-to-one correspondence between being and thinking. The ontognoseological horizon determines the effectiveness and feasibility of the functions of a linguistic sign in the context of the opposition of the ideal and the real. The difference between two ways of problematization is formulated - aporetic in ontology and antinomic in epistemology. The article proposes to consider the functional ensemble of a linguistic sign. Seven main functions are identified and their system-forming oppositions are differentiated. The difference in functional dominants is shown in the course of solving the problem of universals as the main issue of medieval philosophy. A new interpretation of the “semiotic triangle” model is proposed in the light of the principles of N. Hartmann’s critical ontology according to the criteria of “stepping” and “layering”. Constitutive and regulatory factors of differentiation of linguistic functions of nomothetic minimalism are identified.

Key words: ontognoseological horizon; function; sign; signifier; signified; being; thinking; nominalism; realism; conceptualism.

Citation: Ognev, A.N. (2025), Ontognoseological horizon of the functions of the linguistic sign, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 5, no. 1, pp. 23–30, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-23-30>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Ognev A.N., 2025

Aleksandr N. Ognev – Candidate of Philosophy, Associate Professor of Philosophy Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Семиотика как дисциплина, исследующая свойства и характер различных знаковых систем, образует своеобразную область научного знания, положение которой обеспечивает функционирование системных взаимосвязей между различными областями естественных, общественных, технических, социальных и гуманитарных наук. Возникновение научной семиотики, последовательно дистанцирующейся от метафизической ангажированности как натуралистического, так и спиритуалистического образца, стало событием, изменившим представления о характере задач научного познания как динамической системы, обладающей внутренним ресурсом для концептуального саморазвития. Эпохальной вехой в этом отношении можно считать признание Ч.С. Пирса о том, «что в уме есть знак, развивающийся в соответствии с законами вывода» (Пирс 2000, с. 91). Лингвистическая мысль ответила на эту декларацию радикальным антисубстанциализмом сосюрковского сравнения языка с шахматами. Ф. де Соссюр был убежден в том, что «система значимостей создает действительную связь между звуковыми и психическими элементами внутри каждого знака» (Соссюр 1999, с. 120). Проблема, однако, состояла в том, что тем самым элиминировались критерии дифференциальных признаков языковых единиц: «отличительные свойства единицы сливаются с самой единицей» (Соссюр 1999, с. 121). Косвенным признанием необходимости поворота семиотической и лингвистической мысли к понятию функции можно считать и утверждение Ю.М. Лотмана: «Искусственные языки моделируют не язык как таковой, а одну из его функций» (Лотман 2016, с. 21).

Важный вклад внесла Самарская семиотическая школа в ходе противопоставления рецептивного и проективного аспектов семиозиса. А.Ю. Нестеров справедливо отмечает: «Проблема интерпретации на уровне прагматики связана с разграничением рецептивной и проективной деятельности. Рецепция как процедура декодирования знаков – это наиболее полно исследованная область семиотики, обычно рецепция рассматривается здравым смыслом как нечто, тождественное интерпретации. Проекция – это создание нового в рамках семиозиса» (Нестеров 2017, с. 67). Следует согласиться с И.В. Деминим, обращающимся

к проблеме семиотики истории: «Игнорирование (или недооценка) семантического аспекта исторического семиозиса чревато размыванием границ между историей и вымыслом» (Демин 2017, с. 9). В свете сказанного рассмотрение взаимодействия и понятийного разграничения онтологических предпосылок и гносеологических приоритетов функционального ансамбля языкового знака составляет содержательную сторону предлагаемого исследования.

Ход исследования

Целью исследования онтогносеологического горизонта обобщения функционального ансамбля языкового знака является различение антиномического и апоретического аспектов в процессе осуществления акта семиозиса. Функции, которые напрямую не связаны с телеологической интенцией, входят в режим семиотической рецессии и низводятся до уровня установочных автоматизмов, не имеющих самостоятельного значения. Здесь осуществляются детерминации, не предполагающие исключений, а потому подчиненные только рассудочным правилам, не имеющим прямого отношения к целям разума. Указанное положение дел обусловлено второй лосевской аксиомой языковой валентности, которая гласит: «Всякий знак языка есть акт человеческого мышления» (Лосев 1982, с. 126). В этом смысле можно принять тезис К. Бюлера о том, что «язык есть специально сконструированный посредник» (Бюлер 1993, с. 1), обеспечивающий специфическое условное тождество объекта и субъекта посредством репрезентативного функционала знака. Репрезентативный функционал допускает в своем составе ряд позиционных альтернатив, актуализирующий смысл телеологической интенции, «вновь обретающий единство своего внутреннего плана в бесконечном разнообразии языковых явлений» (Бенвенист 2002, с. 46), согласно свидетельству Э. Бенвениста. Эти отношения традиционно схематизируются в виде семиотического треугольника, включающего означающее, означаемое и знак. Проблема, однако, состоит в том, что схема эта в своей абстрактности игнорирует дефицитарность психо-семиологического запроса по Г. Гийому: «идея не может для себя изобрести соответствующий знак» (Гийом 1992, с. 74), а потому под нее трансформируется уже имеющийся репрезентативный

функционал, в котором происходит перенастройка функциональных регистров.

Возникает необходимость теоретической ревизии дидактически безупречной равновесной модели языкового знака, которая предполагает не отказ от модели равнобедренного треугольника, а всего лишь сомнение в ее фактической исполнимости на кортеже фактов, представленных планом содержания (см. рис. 1).

и конститутивного члена ее системообразующей оппозиции воспроизводит посредством рутинных процедурных дихотомий модельную ситуацию архаичного «древа Порфирия». Младшая функция возникает из схизиса содержательного аспекта старшей, тогда как формальный регулятив рассудочно аксиоматизирует status quo функции и не несет в себе никакой новизны, поскольку он беспроblemен и не включает в себе никакой кон-

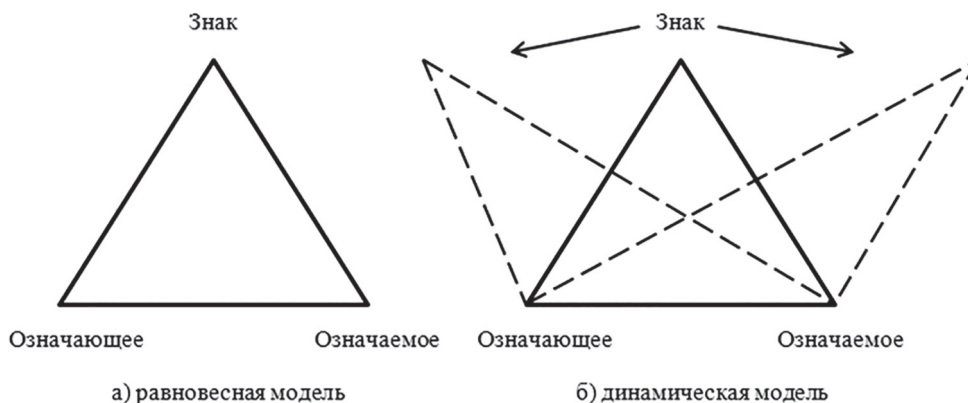

Рис. 1

Логически первой при этом можно считать номинативную функцию языка (1), дающую набор упорядоченных сигнификаций. Те из них, которые обладают собственной семантикой, могут претендовать на коммуникативную значимость, актуализация которой приводит к исполнению коммуникативной функции (2), которая, в свою очередь, позволяет различать данное и новое, что делает возможной когнитивную функцию (3), которая объясняет неочевидное из имеющихся очевидностей. Мотивированное значение требует выражения, осуществляемого экспрессивной функцией (4), которая модифицирует наличный когнитивно-мотивированный диктум, придавая ему выразительность сообразно канону, актуальному для заданного коммуникативного регистра. То, что выражено, должно быть воспринято. Так включается эстетическая функция (5), переводящая форму в режим тропа. Последний, будучи ее несобственным употреблением, требует кодификации на основании эйдетических критериев. За это отвечает нормативная функция (6), противопоставляющая норму и узус в рамках той или иной концепции стиля. Достижение стилистической конкретности реализует последнюю оппозицию логоса и пафоса как субъектного осуществления оптимума надличностных действенных сил. В свои права вступает магическая функция (7), создающая из сигнификаций вторичную упорядоченную «реальность», которая претендует на то, чтобы явить разум как продукт исторического бытования знака.

Нетрудно заметить, что логическая дифференциация функций через антитетику регулятивного

фликтогенной коллизии, требующей объяснения. Конститутивный член оппозиции предполагает наличие гипотезы, имеющей условное неформализуемое содержание.

Особо почетное место занимает проблема универсалий в качестве основного вопроса средневековой философии. Метафизическая подоплека теологических рецидивов здесь вполне очевидна, чего нельзя сказать о функциональных предпосылках титульных решений этой проблемы, каждое из которых вполне рационально для строго определенных регионов мыслительной тематизации и допускает построение непротиворечивых аксиоматик для догматически-тракуемых коммуникативных заданий. Так, в частности, крайний реализм с онтологическим доказательством бытия Бога не только кодифицирует перфекционизм лейбнице-вольфской метафизики и образует осевую аргументативную структуру гегелевского панлогизма, но и заявляет о себе в парадоксе Кантора для теории множеств: множество, которое является частью самого себя, оказывается парафразом онтологического аргумента, в соответствии с которым совершенная сущность включает в число своих совершенств свое совершенное существование. Без парадокса нет теории множеств, а без нее невозможно интегрировать и сделать взаимоконвертируемыми математические дисциплины в единую науку. Крайний реализм зиждется на абсолютизации магической функции знака, будучи ее метафизическим королларием. Умеренный реализм доминиканской схоластики незаменим при построении всеобъемлющей картины мира на

иерархических символических основаниях. Он действует ансамбль младших функций – эстетической, нормативной и магической, будучи адаптивной редакцией реалистической доктрины. Крайний номинализм базируется на абсолютизации номинативной функции и на первый взгляд представляется малопродуктивной в познавательном плане установкой, но он образует теоретическое предвосхищение топологии в идее качественной геометрии Н. Орема. Критический номинализм, или терминизм, представляет собой надежную методологическую базу для экспериментального естествознания, позволяя избежать опыт посредством применения «бритвы Оккама» от умозрительных псевдообобщений. Терминизм является адаптивной версией номинализма, задействуя ансамбль из трех старших функций – номинативной, коммуникативной и когнитивной. Аналогичные процессы происходят и в концептуализме, жесткой версией которого можно считать новоевропейскую доктрину Дж. Локка, абсолютизирующую изолированную экспрессивную функцию, а адаптивной – сермонизм П. Абеляра, концентрирующегося на ансамбле трех средних функций – когнитивной, экспрессивной и эстетической. Новоевропейская редакция концептуализма обосновывает принципы педагогики, а сермонизм оказывается востребованным в психологии. Итак, будучи принципиально неразрешимой в метафизическом формате, проблема универсалий дает теоретический импульс, приводящий к важным и ценным результатам.

Любая функция при определенных условиях может стать в знаке доминирующей, но в случае условной дефицитности погружается в состояние семиотической рецессии, будучи мыслимой без противоречия как часть семиотического потенциала знака, из чего можно умозаключить, что представляемый нами в плане отражения «элементарным» знак на деле всегда в плане выражения оказывается комплексным, что противоречит обыденному сознанию, к которому в этом вопросе апеллировала схоластика, видя в элементарном знаке часть, а в комплексном – целое, руководствуясь натуралистической аналогией, приводящей прямым путем к классическому инциденту кантовской антиномии. Важно понимать, что за каждой функцией стоят не только абстракции рассудочного мышления, обладающие аналитической истинностью, но и аксиоматические фонды различных лингвистических теорий, которые вне методологического консенсуса семиотики обречены на узус в контексте исторически-преходящих частнопредметных гипотез.

1. Номинативная функция определяет абстрактные лимиты сигнификации посредством оппозиции автосемантии и синсемантии, в которой синсемантия исчерпывается регулятивными

формализмами, а автосемантия предстает конститутивным фактором, обладающим познавательной значимостью. Датский структурализм предлагает аксиоматику плана выражения на основе алгебры семантических множителей. Характеризуя номинативную функцию, Л. Ельмслев умозаключает, что «только благодаря ей, существуют два ее функтива, которые можно теперь точно обозначить как форму содержания и форму выражения» (Ельмслев 2006, с. 80). Тем самым догматизируется постулат их взаимно-однозначного соответствия. Прибегая при этом к медиализации последнего, О. Есперсен признает, что «мы создаем в нашем сознании или, по крайней мере, в языке определенные более или менее стабильные точки, определенные средние единицы» (Есперсен 1958, с. 68). Номинативная функция моделируется посредством единиц, которые отражают не реальность, а потребность в ее исчислимости.

2. Коммуникативная функция языка актуализирует принцип intersubjectivity, предполагающий общезначимость некоторых интенций говорящего и слушающего. Ключевую оппозицию образует оппозиция темы как «данного» и ремы как «нового», выступающего в качестве конститутивного фактора, гарантирующего содержательность высказывания. Тематические регулятивные формализмы допускают элиминацию в той мере, в какой это не искажает смысла выражения. Наибольший вклад в изучение этой функции внесли лингвисты Пражской школы. Ими было открыто несоответствие логического и функционального синтаксиса. Изучение речевых явлений приводит В. Матезиуса к неутешительному выводу, обусловленному изоляцией коммуникативной функции от всех прочих: «Язык как система выразительных и коммуникативных знаков является абстракцией и существует только в идеале» (Матезиус 2003, с. 55). Абсолютизация коммуникативной функции приводит к утрате лингвистикой языка как предмета исследования.

3. Когнитивная функция языка базируется на оппозиции денотативного и коннотативного значения. Она позволяет разграничить акты понимания, познания и постижения в качестве спецификатов плана отражения. В регулятивном смысле формализуемо только денотативное значение, но на практике оно актуализируется в коннотациях. В несобственном смысле термин только экспонируется, но тем самым он приобретает несвойственные ему новые коннотации, выпадающие из системы формализованных денотативных соответствий. Термин указывает на исполнимость некоего дефинитивного акта в операциональном режиме, но вне дефиниции он сам по себе не может считаться ни истинным, ни ложным.

4. Экспрессивная функция выражает отношение говорящего к тому сообщению, которое он

стремится донести до слушающего. Регулятивный аспект экспрессивной функции формализует диктум, представляющий собой пропозициональный концепт высказывания, взятый в отвлечении от его модальных характеристик. Конститутивный же аспект представлен модусом, в котором доносится сообщение. В нем фиксируется возможность, действительность или необходимость атрибуции высказывания по критериям полноты, опосредствования и предельности, релевантным с точки зрения некой интулируемой идеи. Теоретик эстетического идеализма в языкознании Б. Кроче утверждает: «Интуировать – значит выражать и не значит ничего другого» (Кроче 2000, с. 21).

5. Эстетическая функция делает воспринимаемым то, что адекватным образом выражено, развертывая предсказуемый порядок рецепции. Для ее исполнения релевантна оппозиция формы и тропа, являющего собой ее несобственное употребление в режиме превращенной формы. Для эстетической теории релевантна антиномия «красоты в природе» и «прекрасного в искусстве», в контексте которой доминирующий форматив низводит рецессивные способы формообразования до условного статуса «материала», подтверждая конститутивность тропа, фокусирующего художественный замысел творца, предстающий в виде семиологического факта, на что указывает Я. Мукаржовский: «Произведение – это еще и «вещь», представляющая его в чувственном мире и доступная восприятию без каких бы то ни было ограничений» (Мукаржовский 1994, с. 191). При этом знак действует только на другие знаки, но не на реальность, сводя их в единство идеации.

6. Нормативная функция апеллирует не к сущему, а к должному, постулируя необходимую конфигурацию границ посредством оппозиции нормы и узуса. Норма в своей идеальности образует абстрактный регулятив, тогда как узус всегда конкретен. Он исполним в тех пределах, которые заданы мерой стилистической дифференциации. Узус констатирует знак в его реальном переживании, поскольку он допускает свою избирательную прагматизацию, достаточную для актуализации семиосферы, в которой осуществим постулат «нормального субъекта», для которого значимы рассудочные правила.

7. Магическая функция инспирирует воздействие идеи на реальность, ставя перед собой задачу порождения объективной реальности через язык. Она лимитирована оппозицией логоса и пафоса, возникающей по поводу той или иной сверхценной идеи, которой подобает некая всеобъемлющая реальность. Если логос абстрактен, то пафосу подобает конкретность в качестве гегелевский «всеобщей силы действия», что предполагает ситуацию отчуждения сущностных сил субъективности в ходе форсированной идеализа-

ции, подверстывающей реальность под фикцию метафизического символа, что происходит в мифологии, религии и идеологии. Если логос конкретен, то пафос ввергается в рецессию, что делает возможной реализацию диалектического потенциала знака, обеспечивающего рациональное присвоение предметности путем деноминации титульного набора превращенных форм. Оба разнонаправленных процесса позиционируют идею через магический знак, подлежащий либо интериоризации, либо экстериоризации. Й.Л. Вайсгербер утверждает: «Лишь символическая форма познания может привести к такому построению нашего понятийного мира» (Вайсгербер 1993, с. 141).

Посредством функционального ансамбля знаковых функций самосознание устанавливает онтогносеологический горизонт действительности. Онтология, опираясь на принцип гилеморфизма, воспринимает язык, согласно П.А. Флоренскому, как «огромное лоно мысли человеческой» (Флоренский 1990, с. 163). Для гносеологии, исходящей из субъектно-объектного отношения, существенно, согласно С.Н. Булгакову, то, что «в слове отслаивается чистый смысл или идея, имеющая общее, самодовлеющее значение» (Булгаков 1997, с. 74). Отсюда проистекает различие в характерных способах проблематизации, задающих для онтологии апоретический, а для гносеологии – антиномический формат.

Выводы

Функциональный ансамбль языкового знака включает в себе семиотический синтез. Функции обеспечивают эту необратимость только опосредованно, через снятие своей оппозиционной изостени, что выражается в идеации функциональной доминанты и в декомпенсации факторов семиотической рецессии, относительно которых практикуется обращение в качестве стандартной процедуры логической нормализации. Параметры оперативной исполнимости последней находятся ниже уровня, предусмотренного планом выражения, тогда как ее результаты постулируют эффект трансценденции плана отражения. Следует вместе с основоположником критической онтологии Н. Гартманом задаться вопросом о том, «насколько они действительно суть законы существующих в природе взаимосвязей и насколько – лишь законы научного мышления?» (Гартман 2003, с. 69). Учитывая тот факт, что критическая онтология рассматривает бытие безотносительно к его смыслу, ответ на него может быть только диалектическим. Оно воспроизводит дуализм знака как такового. Номотетика семиотического функционала существует апоретически, но мыслима в сюжетной канве языковых антиномий.

I. Системообразующая оппозиция каждой функции, будучи взятой дискретно, включает

в себе изостению четной оппозиции, которая не допускает никакого синтеза. Применение к ней диахронической методологии приводит к гумбольдтовским антиномиям, а синхронической – к сосюрровским.

II. Между функциями существует отношение полярности, наблюдаемое в решении проблемы универсалий. Наибольшая противоположность наблюдается между номинативной (1) и магической функцией (7), где первая соотносится с означающим, а последняя – с означаемым. Меньшая степень противоположности обнаруживается между коммуникативной (2) и нормативной (6) функцией с теми же исходными соотношениями. Контрастность снижается в отношении между когнитивной (2) и эстетической (5) функцией, а затем сходит на нет, будучи снятой в экспрессивной функции (4), не имеющей противочлена по диспозиции.

III. Каждая из перечисленных антитез, за исключением одинарной экспрессивной функции (4), может выступать в качестве конститутивного основания для приращения определенности вплоть до достижения другого отношения с меньшей степенью понятийной полярности. Здесь стратегия приращения определенности требует логического обращения. Следовательно, в отношении коммуникативной (2) и нормативной (6) функции соотношение означающего и означаемого меняется местами. Конверсивная процедура по факту своего исполнения оказывается регулятивным, полагающим границу для прежнего понимания функционального антагонизма. Рассмотрение отношения между нормативной (6) функцией как означающим и коммуникативной (2) как означаемым требует их позиционирования уже в конститутивном, а не в регулятивном (как было до того) качестве. Пределом приращения определенности в этом ключе становится через обращение отношения когнитивной (3) и эстетической (5) функции, которое оказывается возвращением к исходным титульным референциям, ибо первая соотносится с означающим, а вторая с означаемым. В экспрессивной функции (4) потенциал полярности исчерпан полностью. Теперь знак заключает в своей снятой форме все неочевидные превратности, которые он претерпел в ходе своего семиотического генезиса (см. рис. 2).

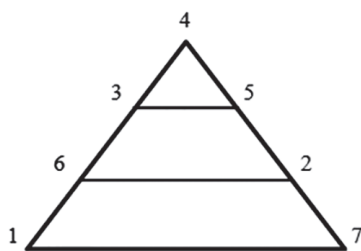

Рис. 2. Функциональная апоретика слоистости
Fig. 2. Functional aporetics of layering

IV. Модель семиотического треугольника преобразуется в трехслойное образование с границами, параллельными основанию. Между ними заключены разнородные в качественном смысле предметно-содержательные пласты. К аналогичному приему прибегал Ф.В.Й. Шеллинг в «Системе трансцендентального идеализма», трактуя их как различные «эпохи» самосознания. В данном случае следует ограничиться различиями в габитуалитетах предметности, образующей условные семиотические слои. Это будут: вещь, процесс и состояние (см. табл. 1).

V. Основанием приращения определенности всякой вещи является оппозиция номинативной и магической функции, а пределом – нормативной и коммуникативной. Достигая этой регулятивной антитезы, вещь обретает совершенство. Совершенная вещь предстает как тело.

VI. Основанием приращения определенности всякого процесса является оппозиция нормативной и коммуникативной функции, а предел – когнитивной и эстетической. Достигая этой регулятивной антитезы, процесс обретает необратимость. Необратимый процесс являет себя в душе.

VII. Основанием приращения определенности всякого состояния является оппозиция когнитивной и эстетической функции, а пределом – экспрессивная функция, составляющая их «истинную середину» в гегелевском смысле. Достигая этого пункта, состояние становится открытым. Открытое состояние предстает как дух.

VIII. Человек есть универсальный знак сущего, ипостазирующий триединство тела, души и духа. Их упорядоченная тотальность раскрывается в языковой картине мира.

IX. Апория «ступенчатости» и «слоистости» создает видимость дезактуализации антиномичности дискретно рассматриваемых функций. В режиме критической онтологии они подчинены апоретике, требующей трехслойного номотетического минимализма. В этом формате каждый слой обладает законом семантической когерентности, заданным конститутивной оппозицией базовых функций. Метафизические злоупотребления возникают либо от редукции высших слоев к элементарной схематике низшего, либо от превратного привнесения вариабельности высшего слоя в низший, не знающий исключений. В первом случае выстраивается материалистическая, а во втором – спиритуалистическая метафизика. Наличие метафизического рецидива свидетельствует о функциональном дисбалансе. Метафизические сверхценные идеи суть тематизированные семиотические гиперкомпенсации. Будучи иррациональным в самом своем существовании, они обладают видимостью осмысленного содержания в психосемиологических паралогизмах. Основоположник онтогносеологии М.А. Лифшиц, находясь между Сциллой догмати-

Таблица габитуалитетов

Table 1

Table of habitualities

№	Габитуалитет	Основание приращения определенности	Предел приращения определенности	Критерий исполнения	Аквизит
1	Вещь	1-7	6-2	совершенство	тело
2	Процесс	6-2	3-5	необратимость	душа
3	Состояние	3-5	4	открытость	дух

ческого марксизма и Харибдой критического ревизионизма, учил понимать иррациональное «как конкретное в абстрактном мире» (Лифшиц 2004, с. 424). В этой ситуации функция приобретает демонстративную автореферентность.

Х. Никакая действительность не сводится к функциям языкового знака, но она не может быть понята без них.

Итак, рассмотрение функционального ансамбля языкового знака позволяет реконструировать некоторые тематические проблематизмы классической философии безотносительно к их догматическим репутациям, увековеченным посредством академической традиции. Это не дает права на привилегированный доступ к реальности, но предохраняет от эксцессов понятийной инфляции и формирует навык критического отношения к доктринам, основанным на плебисцитарном представлении об истине. В настоящее время эта задача представляется разрешимой на основании эпистемологических аквизитов семиотики.

Библиографический список

Бенвенист Э. Общая лингвистика. Москва: Едиториал УРСС, 2000. 448 с.

Булгаков С.Н. Философия имени. Москва: КаИр, 1997. 330 с.

Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. Москва: Издательская группа «Прогресс» – Универс, 1993. 528 с.

Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. Москва: Издательство Московского университета, 1993. 224 с.

Гартман Н. К основоположению онтологии. Санкт-Петербург: Наука, 2003. 640 с.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. Москва: Издательская группа «Прогресс»-Культура, 1992. 224 с.

Дёмин И.В. Семиотика истории и герменевтика исторического опыта. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017. 273 с.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. Москва: КомКнига, 2006. 248 с.

Есперсен О. Философия грамматики. Москва: Инлитиздат, 1958. 404 с.

Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. Москва: Intrada, 2000. 160 с.

Лифшиц М.А. Что такое классика? Онтогносеология. Смысл мира. «Истинная середина». Москва: Искусство XXI век, 2004. 512 с.

Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. Москва: Издательство Московского университета, 1982. 480 с.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2014. 416 с.

Матезиус В. Избранные труды по языкознанию. Москва: Едиториал УРСС, 2003. 232 с.

Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. Москва: Искусство, 1994. 606 с.

Нестеров А.Ю. Семиотические основания техники и технического сознания: монография. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. 155 с.

Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. Москва: Логос, 2000. 448 с.

Флоренский П.А. Т.2. У водоразделов мысли. Москва: Правда, 1990. 448 с.

References

Benveniste, E. (2000), *General linguistics*, Editorial URSS, Moscow, Russia.

Bulgakov, S.N. (1997), *Philosophy of the name*, KaIr, Moscow, Russia.

Bühler, K. (1993), *Theory of language. Representative function of language*, Izdatel'skaya gruppa «Progress» – Univers, Moscow, Russia.

Weisgerber, J.L. (1993), *Native language and the formation of the spirit*, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia.

Hartmann, N. (2003), *To the foundations of ontology*, Nauka, St. Petersburg, Russia.

Guillaume, G. (1992), *Principles of theoretical linguistics*, Izdatel'skaya gruppa «Progress»-Kul'tura, Moscow, Russia.

Dyomin, I.V. (2017), *Semiotics of history and hermeneutics of historical experience*, Samarskaya gumanitarnaya akademiya, Samara, Russia.

Hjelmslev, L. (2006), *Prolegomena to the Theory of Language*, KomKniga, Moscow, Russia.

Jespersen, O. (1958), *Philosophy of grammar*, Inlitizdat, Moscow, Russia.

Croce, B. (2000), *Aesthetics as a science of expression and as general linguistics*, Intrada, Moscow, Russia.

Lifshits, M.A. (2004), *What is classics? Ontognoseology. The meaning of the world. "The true mean"*, Iskusstvo XXI vek, Moscow, Russia.

Losev, A.F. (1982), *Sign. Symbol. Myth. Works on linguistics*, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia.

Lotman, Yu.M. (2014), *Inside Thinking Worlds*, Azbuka-Attikus, St. Petersburg, Russia.

Mathesius, V. (2003), *Selected works on linguistics*, Editorial URSS, Moscow, Russia.

Mukařovský, Y. (1994), *Research in aesthetics and art theory*, Iskusstvo, Moscow, Russia.

Nesterov, A.Yu. (2017), *Semiotic foundations of technology and technical consciousness: monograph*, Izdatel'stvo Samarskoj gumanitarnoj akademii, Samara, Russia.

Peirce, Ch.S. (2000), *Selected philosophical works*, Logos, Moscow, Russia.

Saussure, F.de. (1999), *Course in general linguistics*, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Yekaterinburg, Russia.

Florenskij, P.A. (1990), *Vol.2. At the watersheds of thought*, Pravda, Moscow, Russia.

Submitted: 10.01.2025

Revised: 12.02.2025

Accepted: 13.03.2025